

Дары Рождества

Рассказы и истории
священников

Серия «Рождественский подарок»

Издательский дом
«Никея»

Коллектив авторов
Татьяна Викторовна Стрыгина
Дары рождества. Рассказы
и истории священников
Серия «Рождественский подарок»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29808893

Дары Рождества. Рассказы и истории священников: Никея; Москва;

2016

ISBN 978-5-91761-461-8

Аннотация

В рождественских рассказах русских священников предстают глубокие переживания праздника, преображающая сила явленной людям Любви Божией, радость от щедрых рождественских даров, получаемых нами не по заслугам, а по милости Божией. Сердце открывается в любви навстречу Отцу Небесному.

Содержание

Вместо предисловия	5
Священник Александр Шантаев	9
В праздник	9
Катин сон	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дары Рождества
Рассказы и истории
священников
Составитель
Татьяна Стрыгина

©Издательский дом «Никея», 2016

* * *

Вместо предисловия

*Три восточные царя
водят пальцем по бумаге
и, губами шевеля,
слог приклеивают к слогу:
слог, похожий на дорогу.
Ольга Седакова. «Сказочка»*

Маленькое полутемное укывище от непогоды на окраине Вифлеема. Шорох золотой пахучей соломы. Горячее дыхание вола. Негромкое переступание ослиных копыт. Мать, склонившаяся над деревянными яслями. Тихое ангельское пение. Пастухи, в замешательстве перешептывающиеся у входа. Шуршание роскошных царских одежд, так не подходящих для путешествия, но столь подходящих случаю и достоинству путников...

Сколько бы раз я ни обращался к образу Рождества Христова – иконописному или словесному – волхвы всегда живо волновали мое воображение. Может быть, их царское достоинство тому причиной, может быть, род занятий, завораживающий меня с отрочества, – звездочеты. От этих загадочных путешественников мы получили обычай преподносить друг другу дары на Рождество.

Мне часто кажется, что наш дед Мороз это вовсе не Святитель Николай, (будто у самого любимого на Руси свято-

го помощника мало дел на земле!), а вот такой волхв, который «иным путем отошел в страну свою» и каким-то чудом заблудился в снежных равнинах нашей северной родины, живет теперь здесь и приносит зимой подарки всем маленьким детям по любви своей ко Христу. А может быть, как в рассказе С. Н. Дурылина «Четвертый волхв», он и не видел еще Христа, ходит по нашим лесам, «пещорам» и «пустыням-густыням», имеет *русское* имя, собирает «со всей земли, от праведных трудов, от хресьянских, отовсюду по зернышку», чтобы свой дар принести Ему.

Таковыми волхвами мне представляются авторы, чьи рассказы собраны в этой книге.

Священник-писатель – явление не новое, но хорошо забытое за семьдесят лет богоборческой власти. Эти люди пишут о нас с вами, они говорят на одном с нами языке. Их произведения, как правило, просты и верны традициям реализма, даже если это святочный рассказ, граничащий с чудом. Главное их достоинство – они задевают за живое и мало кого оставляют равнодушным. И это не удивительно, ведь где бы и когда ни происходили эти истории, любовно собранные и записанные авторами, они очень узнаваемы и всегда свидетельствуют о живом присутствии Бога в нашей жизни. Это ли не лучший дар волхва с *русским* именем Родившемуся в эту ночь!

Поэт Николай Клюев писал когда-то:

На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И Тебе, родимый, принесу.

Ныне сказанья, возможно, стали не столь певучи как прежде, но они о том же. Герои их делают с радостью трудную и прекрасную работу любви: спешат на помощь, дарят праздник, совершают маленькие чудеса своими руками.

Авторы похожи на своих героев, и, конечно же, на волхвов, которые собирают зернышки сказаний и житейских историй, чтобы *смолоть их мукою*; ищут воду «безмутную, без одной соринки»; пекут хлеб, чистый и честный, – «дар земли своей», чтобы принести его Христу; видят Звезду, находят «путь прям» и отправляются в долгое путешествие, свидетельствуя о рождении Слова.

Александр Логунов, поэт и музыкант

Священник Александр Шантаев (Род. 1964)

В праздник

После навечерия Рождества, долгой службы с вечерней и царскими часами отец Трифон пришел домой, покормил кур и собаку и снова стал собираться. Матушка Вера, перебиравшая гречу на кухонном столе у окошка, заслышав сопение (это отец Трифон искал рукой пройму рукава за спиной), подняла зоркие серые глазки поверх очков и спросила словно безо всякого интереса:

– Куда это ты, Трифон Иванович?

Батюшка засопел еще громче – нашарить злополучный рукав никак не удавалось, и, обидевшись на него, он заворчал:

– Сколько просить тебя: вшей клинышек в поясницу, не видишь, подрясник-то совсем тесный!

– Он не тесный, а старый, – отвечала из своего угла матушка. – Куда уж его подшивать?.. У отца вон Воздвиженского, как ни приедет – то подрясник новый, то ряса, и с пуговками, и с ляжками, а то и греческого кроя! Спросил бы, где это ты, отец Геннадий, шьешь себе? Может, и нам устроишь?

– Отец Воздвиженский – академик, он с архиереями обещает, ему без этого нельзя. У него один материал, наверное, рублей триста стоит.

– Триста! Да там никак не меньше тысячи, не говоря уж о плате за работу...

– Так что же ты несешь тогда? – Отец Трифон окончательно рассердился и повторил, передразнивая жену: – «Где это ты, отец Геннадий, шьешь себе?» А где мне столько денег набрать?

– А то не мог бы? – Матушку тоже раззадорил спор.

– А то мог бы? Только разве если старух в деревне отпеть всех скопом...

– Кабы не трусость твоя, Трифон Иваныч, – гнула свое матушка, – глядишь, за сорок лет службы насобирал бы себе и на подрясник, и на рясу. Другие отцы вон и на машину, да не на одну, насобирали, а у нас даже телефона нет! А то этим дай, тем помоги, там послужи – а денежек нам не надо, спаси Бог! Хорошо тебе, батюшка, другим-то добро творить...

Голос матушки, затронувшей болезную тему, задрожал, а глаза ее вмиг увлажнились.

– Мать, ну что ты, в самом деле! О том ли говоришь? – Отец Трифон с великой нежностью взял жену за плечи и поцеловал в макушку. – Ты – моя ряса, – он снова чмокнул супругу в голову, – и архиерей, и тысяча рублей... – От неожиданной рифмы он засмеялся, улыбнулась и матушка.

– Да ну тебя, Трифон Иванович! Ты – известный челове-

коугодник. Лучше скажи, куда опять собрался?

– Пойду схожу Татьяну причастить. Обещался навестить бабушку перед Рождеством...

– Батюшка! Прилег бы лучше перед всенощной! Не молодецкий ведь уже, а к Татьяне успеется – можно и в другой раз сходить. У нее уже все концы и сроки перемешались.

– Матушка, не перечь! Успею и сходить, и поспать достанет времени...

Довольный, что последнее слово на этот раз осталось за ним, отец Трифон натянул выцветшую бордовую скуфью с заметной рыжиной, накинул пальто, подхватил баульчик и бодро вышел в сени, а оттуда на двор. Из-под крыльца ему бросилась в ноги пегая дворняжка Гулька, задорно виляя хвостом и всячески выказывая свою радость.

– Гулька, а ну поди, не мешай! – Отец Трифон отмахнулся и пригрозил: – За мной не ходить, сиди дома!

Гулька, присев на задние лапы, нетерпеливо перебирала передними, подвизгивая и страстно желая помчаться вслед удалявшемуся хозяину, но послушаться его не посмела.

Полуденное солнце ярко светило с высокого чистого неба. От мороза снег под ногами сухо поскрипывал. Ветви деревьев покрылись белейшим пухом и приняли вид причудливых стеклянных букетов, вымороченных и бесчувственных в своей томной красоте и хрупкости. Из печных труб потянулись вверх длинные дымные шлейфы, словно вся деревня изготовилась сняться с места для какой-то зимней переко-

чевки.

Отец Трифон любил такое состояние природы и всегда чувствовал себя в это время счастливо, особенно накануне больших праздников, когда душа умиралась в тихом предвкушении службы. Он шел по улице, здороваясь со встречным людом, переговариваясь с ребяташками и поименно отвечая на поклоны и приветствия.

– Здравствуй, Марья! Что? Будет, а как же! Непременно будет всенощная, приходи...

Встреченная старушка, румяная и сморщенная, как лежащее яблоко, и закутанная в пуховый платок, заснеженный по краю, осклабилась:

– А в избу-то не заберутся, пока в церкву пойду?

– Марья Петровна, уж кто бы опасался... Что у тебя брат-то?

– Ох, и то правда, батюшка родимый...

Они посмеялись и разошлись, каждый в свою сторону. Щеки и нос пощипывал мороз, у мужиков, попадавшихся навстречу, белый иней запушился на воротниках и козырьках шапок. Заметив нестарого, плотного мужчину, выходящего из переулка, отец Трифон окликнул его:

– Сергей!

– Ой, Трифон Иванович, напугал! – Сергей, попыхивая папиросой, подошел к отцу Трифону и протянул широкую крепкую ладонь. Они обменялись рукопожатиями.

– Ты уже никак разговелся? – Отец Трифон потянул носом

воздух.

– Да есть маленько, до первой звезды... Дрова возили...

– Вот и я насчет дров... – Батюшка прихватил Сергея за пуговицу на бушлате. – Уж подвези ты мне, миленький, ку-
бов пяток – боюсь, припасенных не хватит.

– Сделаем, Тимофей Иванович, о чем речь!

– Ну и слава Богу...

Они снова пожали друг другу руки, и отец Трифон пошел дальше.

По пути он завернул к магазинчику, именуемому аборигенами «сельпо», – деревянному домишке с крыльцом, с хворостяным веником на пороге и лохматой псиной, грызущей кость в снях. Оглядев наскоро полупустые полки, попросил продавщицу выбрать ему с лотка копченую скумбрию, да покрупнее.

С пахучим свертком под мышкой и с чемоданчиком в руке, он дошагал до окраины села, направляясь к потемневшей и покосившейся от времени избушке, какую всякий раз рисуют в иллюстрациях к сказке о рыбаке и рыбке на первой и последней страницах.

– Ну, бабка, жива ли ты еще? – пробормотал отец Трифон, преодолевая высокие сугробы.

Рядом с домом, на чистом снегу, нарушенном только пунктирным росчерком какого-то юркого зверька – может быть, кошки, а может, и зайца, – не было заметно ни одного человеческого следа. Запрокинув голову и прижав ладонь ко

лбу, защищая глаза от слепящего солнца, отец Трифон посмотрел на крышу, разглядывая закопченную трубу в поисках дымка, но труба лишь холодно торчала низким пустым обрубком.

Подергав дверь и убедившись, что она заперта изнутри, отец Трифон подобрал полы подрясника и направился по снежной целине к окошкам. Постучал в плотно затянутое льдом стекло с разводами инея и, не дождавшись ответа, постучал снова. «Вот ведь глухая тетеря...» – подумал с досадой. Он забарабанил кулаком в раму и вскоре с облегчением услышал скрип засова.

– Бабка, заснула ты, что ли? – закричал он в образовавшуюся щель. Оттуда показался бледный старушечий нос и слезящийся от старости глаз.

– Кто ета?

– Да кому бы еще быть? Это я, отец Трифон!

– Ой, ба-атюшка... Я ведь не вижу ничего...

Отец Трифон пошел вслед за старушкой в темные сени, впотьмах натываясь на пустые ведра и ящики с ветошью. Татьяна на ощупь отыскала дверную ручку и открыла дверь в комнату. Входя, отец Трифон почти не почувствовал разницы температур. В избе плотно застоялся затхлый, но при этом студеный воздух.

Печка разделяла жилое помещение на кухню и комнату. Свет от слепых окошек с прогнившими подоконниками едва освещал плитку с черным верхом, стоявшую на столике,

кружки, миски, еще что-то темное и закопченное, а также рассыпанные возле поддувала щепки и несколько полешек... В комнате по левую сторону помещался старый, продавленный диван, а по правую – железная кровать, оставляя проход в ширину человеческого тела. В углу, под несколькими иконами, стояла этажерка, убранный тюлем с кружевной вышивкой, который за многие годы оброс пылью и паутиной. На столе у постели теплился фитилек в плоской баночке. «А все же бабка ждала меня!» – отметил про себя отец Трифон.

– Как ты живешь в такой стуже, Татьяна? Топила сегодня?

– Да нет, батюшка... Не собралась еще...

– А ела чего-нибудь?

– Ну, полно, батюшка, как можно? Я же причащаться собралась, все тебя дожидалась!

Отец Трифон, отдышавшись и вытирая усы и бороду платком, рассматривал стоявшую перед ним старуху. Та потирала у груди маленькие, давно не мытые руки с множеством морщинок, черных из-за намертво въевшейся сажи. Татьяна была укутана в несколько одежд, одна поверх другой, и перевязана крест-накрест пуховым платком.

– Вот тебе, бабка, гостинчик, разговеешься на праздник! –

Отец Трифон положил на стол сверток с рыбой.

Татьяна, всплеснув руками, закудаhtала, захлопала носом и прослезилась. Она потянулась схватить руку отца Трифона, чтобы поцеловать ее, но тот лишь отмахнулся в сердцах:

– Господи помилуй, до чего народ обездоленный: чуть что

— в слезы! — Поставив баульчик на стол у лампадки, он обратился к Татьяне: — Ты посиди пока, подожди, я недолго...

Он вышел в сени, ворчливо переступая через многочисленные препятствия, по-стариковски кряхтя, открыл дверь на улицу, разыскал под грудой всякого хлама черенок лопаты и, высвободив его, пошел на двор. Там он, не размахисто, но споро, раскидал небольшую тропку от дома к деревянному сараю, отбил подмерзшую дверь и принес одну за другой несколько охапок дров.

— Вот я уйду, чтобы потопила! Нечего дрова экономить, слышишь, бабка?

Батюшка грузно сел на диван отдышаться, а затем, открыв свой чемоданчик, стал надевать облачение прямо поверх пальто: потертую, некогда белую с серебряным шитьем, старинной выделки епитрахиль и поручи. Прочитав правило перед исповедью, он снова уселся на диванчик и спросил у бабки:

— Ну, в чем каешься, моя хорошая?

— Ох и не знаю, отец Трифон, батюшка, как меня Господь терпит по моим грехам?

Нет греха, которого бы не сотворила и делом, и словом, и помышлением... И пьянствовала, и плясала, и песни пела, и жила не венчанная, посты в молодости не соблюдала, в церкву не ходила, чужое брала в колхозе, обсуждала, завидовала... Только что аборт не делала, этого не было, спаси Бог... Грешная я, во всем грешная, и куда только попаду по

моим грехам, и где только окажусь?

Татьяна перечисляла обычные старушечьи грехи и причитала, а отец Трифон слушал ее, прикрыв глаза и не перебивая до ему одному ведомой меры, а когда посчитал достаточным, то набросил на ее голову конец епитрахили и принялся читать по памяти: «Господь и Бог наш, Иисус Христос...»

После Причастия отец Трифон собрал свои вещи, повесил на шею мешочек со Святыми Дарами и, обняв Татьяну, поцеловал ее в щеку.

– Ну, с Причастием тебя, свет мой Татьяна Фёдоровна, с наступающим Христовым Рождеством! Бог даст, после Крещения опять навещу тебя.

После ухода священника Татьяна долго стояла у икон, шепча вперемешку обрывки молитв, которые помнила, много и часто осеняя себя крестным знамением. Потом прилегла на диванчик прямо в валенках, накрывшись одеялом, и лежала без сна, глядя на язычок пламени, трепетавший в лампадке. В слюдянистых окнах поплыл багровый отсвет, потом потускнел и затух. Наступил вечер, сиреневые сумерки скоро сменились темнотой.

Очнувшись, хотя она и не спала, бабка кое-как поднялась с постели и отправилась на кухню, на ощупь привычно нашаривая чуткой рукой давно знакомые предметы. Возле печки Татьяна с кряхтением согнулась и открыла дверцу, подобрала с полу несколько полос сухой бересты, зажгла их и стала укладывать щепочки в топку. Подложив еще и еще, она при-

села на горку поленьев. В сухом воздухе дрова занялись легко и быстро, словно истосковавшись по огню, и скоро быстрые сполохи из открытой печки весело заиграли алыми отражениями на стенах, подвижными тенями повторяя очертания окружающих вещей.

Старушка встала, придерживаясь за дверной косяк, зажгла керосиновую лампу и, покачиваясь и шаркая валенками, пошла за скумбрией отца Трифона. Развернув газету, понюхала, перекрестилась и уселась за стол ужинать. У незанавешенного окошка, перебирая скрюченными пальцами пахучую рыбу плотью, она думала о чем-то своем, сама того не замечая, углубляясь в какие-то дальние дали. В памяти всплывали бесконечно яркие и счастливые образы времен ее давнишней юности – синее ночное поле, кони, запряженные в сани, пахнущее сухим цветом сено, разбросанное на церковном полу... И, сама не замечая, жуя впалыми челюстями, глотала старуха вместе с соленой рыбой и свои соленые слезы.

...Вокруг темно. Редкой мозаичной смальтой светятся уютные деревенские окошки. На другом конце села, на паперти, горит лампочка в жестяном колпаке. Двери церкви распахнуты настежь; напуская морозный пар, внутрь входят люди... За стволами, за черными ветками, под далекими звездами церковь высится отрешенно и одиноко. В огненном алтаре, в клубах благовонного дыма, отец Трифон, величественный и торжественный, похожий сейчас на библейского

пророка, возглашает начало службы.

Катин сон

Святочный рассказ

Вечер накануне Рождества. Маленькое село, расположенное по обеим сторонам дороги районного значения, укрыто снегом. Кубышки домов, повернувшиеся к тракту где лицом, где боком, овины, бани... Кажется, что кривобокие заборы разгоняются, пытаюсь поспеть за дорогой, но быстро устают, мельчают, редуют и, наконец, обрываются. Замыкая село, на некотором отдалении, как веско поставленная точка, высится старая порушенная церковь с кладбищем. Черные древние липы косматятся среди постных могилок, укрытых снежными навалами. Еще угадывается за крайними заборами пробитая трактором к последним похоронам тропа, но дальше и она совершенно теряется в густом снежном покрове.

В одном из самых неказистых домишек под желтой лампочкой сидит за столом девочка Катя и ждет отца. Кастрюля с картошкой упрятана в духовку, чтобы не остыла. У печки серая кошка с подмороженным ушком старательно вылизывает лапу.

Катя — девочка одиннадцати лет, с тонкой косицей пшеничного цвета, с лицом невзрачным, которое, пожалуй, можно было бы назвать неинтересным, если бы не серые чистые глазки. Они внимательно разглядывают все вокруг, изучая

всякий предмет неспешно и старательно, до той полноты представления, чтобы можно было сделать исчерпывающий вывод. Кате многое приходится решать самой, доходить до всего своим умом, стараться быть хозяйственной и прилежной, ведь мама уже скоро год, как умерла, и советом помочь некому.

Кошка вдруг оставляет лапку и замирает, высунув розовый язычок и наострив неповрежденное ухо. Стучит в сенях дверь, кряхтят старые половицы под неровным шагом. Впустив в комнату клубы холодного пара, входит отец.

– Снегу-то намело! Ни пройти ни проехать... – Мужчина плохо справляется с языком, но ему кажется при этом, что говорит он легко и непринужденно. – Ну что ты, Катюха? – тянет он, увидев, как, нахохлившись, смотрит на него девочка. – Ну, посидел немного с мужиками в котельной по случаю праздника, а хозяйка моя уже заскучала... – Он приваливается растопыренной пятерней к бревенчатой стене и, потрясывая ногами, сбрасывает валенки – сначала один, а затем и другой. – Праздник ведь...

Подходя к столу, отец старается погладить Катю по голове. Жесткая, натруженная ладонь неловко проходится по волосам, и девочке очень хочется схватить эту руку, прижаться к ней щекой, осыпать поцелуями и рассказать, как плохо, как одиноко сейчас ее сердцу... Но отцовская рука уже достает из кармана засаленного бушлата бутылку водки. Из другого кармана появляется на свет газетный сверток с селедочным

запахом и два мелких мандарина.

Вот он тяжело усаживается перед миской с дымящейся картошкой, поливает ее пахучим подсолнечным маслом, режет луковицу на дольки. Все, что обычно делает отец, даже то, как готовится к ужину, получается у него как-то по-особенному веско, такая уж у него натура. Но сейчас Катя уже не любит его, как прежде, она ему не верит. Девочка с жалостью всматривается в его лицо – опавшее, с потемневшей кожей и мутными глазами. Расстегнутый ворот рубашки приоткрывает край грязной майки, красноватую жилистую шею с угольно-черными морщинами и щетиной на кадыке, небритый подбородок и горькие складки, залегшие по углам рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.